

Яна Вагнер

Яна Вагнер
ВОНГОЗЕРО

р о м а н

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В12

Дизайн переплета и иллюстрация *Виктории Лебедевой*

Издательство благодарит литературное агентство
«Banke, Goumen & Smirnova» за содействие
в приобретении прав

В оформлении использован постер
компании АО «ТНТ-Телесеть»

Вагнер, Яна Михайловна.

В12 Вонгозеро : роман / Яна Вагнер. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 444, [4] с. — (Кинобестселлеры).

ISBN 978-5-17-116644-1

«Вонгозеро» — роман-катастрофа, антиутопия, роуд-сто-ри, постмодернистский триллер. Вошел в лонг-листы премий «НОС» и «Национальный бестселлер», был переведен на 11 языков и стал финалистом премий Prix Bob Moganе и журнала Elle. В конце 2019 года на платформе ТНТ-Premier выходит его экранизация — киносериал «Эпидемия».

«Город закрыли вдруг, ночью. Я точно помню, тревоги еще не было. Невозможно было представить себе, что карантин не закончится за несколько недель. По телевизору в эти дни говорили “временная мера”, “ситуация под контролем”, “в городе достаточно лекарств, поставки продовольствия организованы”. Это было по-своему даже приятно — внеурочный отпуск; наша связь с городом была не прервана, а просто ограничена. Идея пробраться туда казалась несрочной... Все случилось так быстро. Мы ужаснулись тому, какими были беспечными. Четыреста тысяч заболевших!» Так начиналась *эпидемия*.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вагнер Я.М.

© АО «ТНТ-Телесеть»

© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-116644-1

Глава первая

Мама умерла во вторник, семнадцатого ноября. Я узнала об этом от соседки. Особая ирония заключалась в том, что ни я, ни мама никогда не были с ней близки; это была сварливая, недвольная жизнью женщина с неприветливым лицом, как будто вырубленным из камня. В четырнадцать я с ней даже не здоровалась и с удовольствием нажимала кнопку лифта прежде, чем она успевала дойти от своей двери, тяжело дыша и с трудом переставляя ноги; автоматические двери закрывались как раз в тот момент, когда она подходила, у нее было такое смешное выражение лица — монументальное возмущение. С этим выражением она часто стояла на пороге нашей квартиры (мама никогда не приглашала ее войти) и предъявляла свои претензии: талая вода, натекшая с ботинок в холле, гость, по ошибке позвонивший после десяти вечера. «Что ей опять надо, мам?» — спрашивала я громко, когда мамины интонации становились совсем уже беспомощными; за всю жизнь она так и не научилась защищаться, и любой пустяковый конфликт в очереди, от которого у прочих участ-

ников только появлялся блеск в глазах и здоровый румянец, вызывал у нее головную боль, сердцебиение и слезы. Когда мне исполнилось восемнадцать, соседкиной еженедельной интервенции внезапно пришел конец. Скорее всего, она почувствовала, что я готова сменить маму на посту возле двери, и прекратила свои возмущенные набегі. Еще спустя какое-то время я снова начала здороваться с ней, всякий раз чувствуя какое-то смутное торжество, а потом, очень скоро, я уехала из дома, и если после моего отъезда война продолжилась, мама никогда не говорила мне об этом, так что образ сердитой, недружелюбной женщины с совершенно неподходящим к ней именем — Любовь — съезжился и превратился всего-навсего в одно из незначительных детских воспоминаний.

Наверное, за прошедшие десять лет я не слышала ее голоса ни разу, но почему-то узнала ее мгновенно, стоило ей сказать «Анюта». Она произнесла мое имя и замолчала, и я немедленно поняла, что мамы больше нет. Она только дышала в трубку прерывисто и шумно и терпеливо ждала, пока я садилась на пол, пока пыталась вдохнуть, пока я плакала, еще не услышав ни слова, кроме своего имени, и я плакала, прижимая трубку к уху, и слышала ее дыхание, а сердитая женщина с именем Любовь, превратившаяся в моей памяти в размытую картинку из детства — закрывающиеся двери лифта, монументальное возмущение, — позволила мне плакать несколько минут и заговорила только после. После (я сидела на полу) она сказала, что мама совсем не мучилась, «мы, конечно, посмотрелись всякого по телевизору, но ты ничего такого не думай, ничего не было, ни судорог, ни удушья, мы тут последние дни не запираемся, Анеч-

ка, мало ли что, сама понимаешь, станет хуже — до двери дойти не успеешь, я заглянула к ней, принесла бульона, а она лежит в кровати, и лицо у нее спокойное, как будто просто перестала дышать во сне».

Мама не говорила мне, что заболела, но я почему-то чувствовала, что это обязательно произойдет. Невыносимо было жить каждый день с мыслью, что она в восьмидесяти километрах от нашего спокойного благополучного дома, каких-то сорок минут на машине, а я не могу забрать ее. Полтора месяца назад я была у нее в последний раз; Мишкину школу к тому времени уже закрыли на карантин, занятия в институтах тоже уже отменили, и кажется, поползли слухи, что вот-вот закроют кинотеатры и цирк, но все это еще не выглядело как катастрофа. Скорее, как внеурочные каникулы. Люди в масках на улице по-прежнему встречались редко и чувствовали себя неловко, потому что остальные прохожие на них глазели, Сережа каждый день еще ездил в офис. И город, город пока не закрыли, это даже не обсуждалось. Никому не могло прийти в голову, что огромный мегаполис, гигантский муравейник площадью в тысячу километров можно запечатать снаружи колючей проволокой, отрезать от внешнего мира. Что в один день вдруг перестанут работать аэропорты и железнодорожные вокзалы, и пассажиры, которых высадили из пригородных электричек, будут стоять на перроне замерзшей, удивленной толпой, как дети, у которых в школе отменили занятия, со смешанными чувствами тревоги и облегчения, провожая глазами уходящие в город пустые поезда. Ничего этого еще не случилось в тот день. Я заехала на минуту — подхватить Мишку,

который у нее обедал. Мама сказала: «Анюта, поешь хотя бы, суп еще горячий», но мне хотелось вернуться домой к Сережиному приезду. Кажется, я едва успела выпить кофе и сразу засобиралась. Ни о чем толком не поговорив с ней, торопливо клюнула ее в щеку в коридоре возле двери, «Мишка, давай скорей, сейчас самые пробки начнутся», даже не обняла, ах, мамочка, мамочка.

Все случилось так быстро. В интернете вдруг появились слухи. От нечего делать я читала их и вечером пересказывала Сереже, он смеялся: «Анька, ну как ты себе это представляешь, закрыть город, тринадцать миллионов человек, правительство, и вообще, там пол-области работает, не сходи с ума, из-за какой-то респираторной ерунды, сейчас нагонят страху на вас, параноиков, вы купите лекарств, и все потихоньку стихнет».

Город закрыли вдруг, ночью. Сережа никогда не будил меня по утрам, но я знала, что ему нравится, когда я встаю вместе с ним, варю кофе или просто сижу рядом со слипающимися глазами, пока он завтракает и гладит себе рубашку, чтобы, проводив его до двери, вернуться в спальню, накрыться с головой и доспать еще час-другой. В то утро он разбудил меня звонком:

— Малыш, загляни в интернет, пробка зверская в город, стою уже полчаса, не двигаясь.

Тон у него был слегка раздраженный, как у человека, который не любит опаздывать, но тревоги в голосе не было. Я точно помню, тревоги еще не было.

Я спустила ноги с кровати и какое-то время сидела неподвижно, просыпаясь. Поплелась в кухню, включила ноутбук, налила себе еще теплого кофе и стала

ждать, пока загрузится Яндекс, чтобы посмотреть пробки, и среди новостей вроде «При крушении самолета в Малайзии никто не погиб» и «Михаэль Шумахер возвращается на трассы Формулы-1», вдруг появилась строчка: «Принято решение о временном ограничении въезда на территорию Москвы». Фраза была нестрашная, скучные плоские слова; «временное ограничение» звучало буднично и безопасно. Я прочла короткую новость до конца — четыре строчки, и пока я набирала Сережин номер, новости вдруг стали появляться одна за другой, прямо поверх первой, нестрашной надписи. Я дошла до слов «МОСКВА ЗАКРЫТА НА КАРАНТИН», и в этот момент Сережа взял трубку и сказал:

— Знаю уже. По радио только что передали. Сейчас позвоню в контору, а потом наберу тебя, ты пока почитай еще, ладно? Ерунда какая-то, — и отключился.

Вместо того чтобы дальше листать новости, я позвонила маме. В трубке раздавались длинные гудки, я сбросила вызов и набрала ее мобильный номер. Когда она наконец ответила, голос у нее был слегка запыхавшийся:

— Анята? Ты что так рано, что случилось?

— Мам! Ты где?

— Вышла в магазин, хлеб кончился. Да что такое, Аня, я всегда в это время выхожу, что за паника?

— Вас закрыли, мама, город закрыли, в новостях передали, ты включала новости утром?

Она помолчала немного, а потом сказала:

— Хорошо, что вы снаружи. Сережа дома?

Сережа звонил с дороги еще несколько раз, я читала ему вслух всплывающие в сети подробности. Все ново-

сти были короткими, детали просачивались по кусочку, многие сообщения начинались со слов «по непроверенным данным», «источник в администрации города сообщил». Обещали, что в полуденных новостях по федеральным каналам выступит главный санитарный врач. Я обновляла и обновляла веб-страницу, пока у меня не зарябило в глазах от заголовков и букв, кофе остыл, и больше всего мне хотелось, чтобы Сережа поскорее вернулся домой. После моего третьего звонка он сказал вдруг, что пробка сдвинулась, и водители, бродившие между машин, переговариваясь и слушая обрывки новостей из радиоприемников («какой-то бред, малыш, новости раз в полчаса всего, они тут музыку крутят с рекламой, черт бы их побрал»), вернулись к своим автомобилям, которые колонной поползли в сторону города. Спустя сорок минут и пять километров выяснилось, что поток на ближайшем съезде разворачивается в область.

Сережа позвонил еще раз и сказал:

— Похоже, они не врут, город действительно закрыт, — как будто еще оставались сомнения, как будто, двигаясь в сторону города эти последние пять километров до разворота, он был уверен, что это всего лишь розыгрыш, неудачная шутка.

На лестнице затопали, и на пороге кухни появился Мишка, сонно кивнул мне и сунул нос в холодильник.

— Ты представляешь, — сказала я, — город закрыли.

— В смысле?

Он обернулся, и почему-то его заспанный вид, взлохмаченные со сна волосы и след от подушки на щеке сразу меня успокоили.

— В Москве карантин. Я бабушке звонила, она в порядке. Сережа едет домой. Но кажется, в город какое-то время попасть будет нельзя.

— Жесть, — сказал мой беспечный шестнадцатилетний мальчик, в жизни которого не было проблем горше сломанной игровой приставки.

Похоже было, что новость эта ничуть его не испугала. Может, он подумал о том, что каникулы продлятся еще на пару недель, а может, не подумал вообще ничего и, подхватив пачку апельсинового сока и печенье, просто направился назад в свою комнату.

Все это действительно было еще не страшно. Невозможно было представить себе, что карантин не закончится за несколько недель. По телевизору в эти дни говорили «временная мера», «ситуация под контролем», «в городе достаточно лекарств, поставки продовольствия организованы». Новости не шли еще бесконечным потоком, с бегущей строкой внизу экрана и прямыми включениями с улиц, которые выглядели странно пустыми, с редкими прохожими в марлевых повязках. По всем каналам еще было полно развлекательных передач и рекламы, и никто еще не испугался по-настоящему: ни те, кто оказался заперт внутри, ни мы, оставшиеся снаружи. Утра начались с новостей, со звонков маме и друзьям, Сережа работал удаленно. Это было по-своему даже приятно — внеурочный отпуск; наша связь с городом была не прервана, а просто ограничена. Идея пробраться в город и забрать маму казалась несрочной. Впервые мы заговорили об этом невсерьез, за ужином, кажется, в первый день карантина, и после этого Сережа (и не он один, некоторые наши соседи, как выяснилось позже, делали то же самое) несколь-

ко раз уезжал. По слухам, тогда еще были перекрыты только основные трассы, а много второстепенных въездов оставались свободны, но в город попасть он так ни разу и не смог и возвращался ни с чем.

По-настоящему мы испугались в тот день, когда объявили о закрытии метро. Все случилось как-то одновременно, словно вдруг приподнялись непрозрачные занавески и информация хлынула на нас оглушительным потоком. Внезапно мы ужаснулись тому, как у нас получалось быть такими беспечными. Четыреста тысяч заболевших! Позвонила мама: «В магазинах пустые полки, но ты не волнуйся, у меня тут есть кое-какие запасы, и потом, в ЖЭКе печатают продовольственные талоны, на днях обещают начать распределять продукты», а после она сказала: «Знаешь, детка, мне становится как-то не по себе, на улице все в масках».

Потом Сережа не смог дозвониться на работу. Мобильная связь зависла, как в новогоднюю ночь, — сеть занята и короткие гудки, а к концу дня новости посыпались одна за другой: комендантский час, запрет на передвижения по городу, патрули, раздача лекарств и продуктов по талонам, коммерческие организации закрыты, в школах и детских садах организованы пункты экстренной помощи. Ночью до нас дозвонилась моя школьная подруга Ленка и плакала в трубку: «Анечка, какие пункты, там просто лазареты, на полу лежат матрасы, на них — люди, как на войне».

С этого дня не было вечера, когда бы мы с Сережей не строили планов как-то проникнуть через каран-

тин, через кордоны хмурых, вооруженных мужчин в респираторах. Вначале эти кордоны были составлены из пластмассовых красно-белых кубиков, каких много у каждого поста ГАИ и которые легко можно было бы раскидать машиной на полном ходу. Бетонные балки с торчащей из них ржавеющей на ветру арматурой появились позже. «Ну не будут же они стрелять в нас, у нас большая тяжелая машина, мы могли бы объехать полем, ну давай дадим им денег», — я сердилась, спорила, плакала, «надо забрать маму и Ленку, мы должны хотя бы попробовать», и в один такой вечер волна этого спора наконец вынесла нас из дома. Сережа рассовывал по карманам деньги; молча, не глядя на меня, шнуровал ботинки, вышел, вернулся за ключами от машины. Я так боялась, что он передумает, что схватила с вешалки первую попавшуюся куртку, крикнула Мишке:

— Мы за бабушкой, никому не открывай, понял? — и, не дождавшись ответа, выбежала за Сережей.

По дороге мы молчали. Трасса была пустая и темная, до освещенного куска шоссе оставалось еще километров двадцать. Навстречу нам попадались редкие машины — вначале из-за изгиба дороги появлялось облако рассеянного белого света, чтобы затем, мигнув, превратиться в тускло-желтый ближний, и от этих приветственных подмигиваний встречных автомобилей становилось немного спокойнее. Я смотрела на Сережин профиль, упрямо поджатые губы и не решалась протянуть руку и прикоснуться к нему, чтобы не разрушить импульс, который после нескольких дней споров, слёз и сомнений заставил его услышать меня, поехать со мной; я просто смотрела на

него и думала — я никогда ни о чем больше не попрошу тебя, только помоги мне забрать маму, пожалуйста, помоги мне.

Мы миновали холмистые муравейники коттеджных поселков, безмятежно мерцающих окнами в темноте, и въехали на освещенный участок дороги: фонари, как деревья, склонившие желтые головы по обе стороны широкого шоссе, большие торговые центры с погасшими огнями, пустые парковки, опущенные шлагбаумы, рекламные щиты «Элитный поселок Княжье озеро», «Земля от собственника». Когда впереди показался кордон, блокирующий въезд в город, я даже вначале не сразу поняла, что это: две патрульные машины с включенными фарами, небольшой зеленый грузовичок на обочине, несколько лежащих на асфальте длинных бетонных балок, издали похожих на гигантскую пастилу, одинокая человеческая фигура. Все это выглядело так несерьезно, так игрушечно, что я впервые в самом деле поверила в то, что у нас может получиться, и пока Сережа сбавлял скорость, вытащила телефон и набрала мамин номер, и сказала ей:

— Мы едем, мам, слышишь? Мы сейчас приедем за тобой, — и дала отбой.

Прежде чем выйти из машины, Сережа зачем-то открыл и снова закрыл бардачок, хотя ничего оттуда не вытащил. Он оставил двигатель включенным, и несколько мгновений, пока он шел к кордону — медленно, неохотно, будто мысленно прокручивая в голове то, что придется сказать, я просто смотрела ему в спину, а потом выскочила следом. По звуку позади понятно было, что дверь не захлопнулась, но я не ста-

ла возвращаться и почти побежала. Сережа стоял уже напротив затаенного в камуфляж человека, неуклюжего, как медведь. Было холодно, под подбородком у человека была маска, которую он стал торопливо натягивать на лицо, как только увидел нас, безуспешно пытаясь ухватить ее рукой в толстой перчатке. В другой руке он держал сигарету, выкуренную до половины. В одной из патрульных машин за его спиной виднелось несколько силуэтов, неярко светился экранчик, и я подумала — они смотрят телевизор, это обычные люди, такие же, как мы. Мы сможем договориться.

Сережа остановился в пяти шагах, и я мысленно похвалила его: поспешность, с которой человек натягивал маску, заставляла предположить, что ближе подходить не стоит. Потом он произнес подчеркнuto-бодрым голосом:

— Командир, как бы нам в город попасть, а?

И это оказалась неправильная интонация, совсем не подходящая. Даже по тому, как он сложил губы, заметно было, как трудно дается ему это напускное дружелюбие, как он не уверен в успехе. Человек поправил маску и положил руку на автомат, висевший у него на плече. В его жесте не было угрозы, все выглядело так, как будто ему просто некуда больше девать руки. Он молчал, и Сережа продолжил тем же неестественно приветливым голосом:

— Дружище, очень надо. Сколько вас — пятеро? Может, договоримся? — и полез в карман.

Дверца стоящей позади патрульной машины слегка приоткрылась, и в этот момент человек, положив-